

В. А. Маклаков.

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Олег БУДНИЦКИЙ,

доктор исторических наук, профессор Научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

«АТОМНАЯ БОМБА И ЕВАНГЕЛИЕ НЕ ОЧЕНЬ СОВМЕСТИМЫ»

М. А. Алданов.

Русская эмиграция в начальный период Холодной войны*

Вопрос о том, что делать в случае войны, постоянно присутствует в переписке Маклакова и Алданова. Так же как предположения о том, как поведут себя и что будут говорить люди, претендующие на лидерство в русской эмиграции. Алданов писал: «Конечно, молчать во время войны это не «позиция». Но беда ведь именно в том, что в случае войны между СССР и демократиями у нас не может быть никакой приемлемой позиции. В здравом уме мы не можем желать победы Сталину по тысяче причин, одна из которых заключалась бы просто в том, что такая победа означала бы гибель всех близких нам людей на европейском континенте, всех тех, кому не удастся бежать и кто немедленно не перекрасится (ведь весь континент будет захвачен в 2–3 недели). Мы не можем, с другой стороны, приходить в восторг от того, что атомными бомбами будут уничтожаться Петербург, Москва, Киев, все культурные сокровища России и миллионы людей и что затем, в случае победы Америки, Россия (или то, что от России останется) будет сведена к границам 17-го столетия. Поэтому, думаю, пока войны нет, мы должны всячески желать, чтобы её и не было. А если она начнётся, я не вижу ничего другого, кроме молчания, как ни плох этот «выход». Добавлю, что с первого же дня войны по [Соединённым] Штатам прокатится, вопреки воле правительства и ответственных людей, страшная волна ненависти ко всему русскому, — это почти неизбежно. В такой атмосфере Керенский и его Лига будут работать. Теперь у них никакой работы нет, но в случае войны американское правительство, быть может, к ним обратится, как оно, наверное, обратится к польскому, украинскому, грузинскому, чешскому и другим заграничным комитетам. Правда, и тут, вероятно, в Вашингтоне учтут разницу между политическими деятелями, которые уехали из своих стран три года тому назад, и теми, которые свою страну покинули тридцать лет тому назад. Тем не менее, я вполне до-

пускаю, что американское правительство обратится к Керенскому с предложением по радио говорить России или как-нибудь с ней сноситься. Он тогда, если согласится, должен проповедовать маниловщину — демократии быстро победят, атомных бомб бросать не будут (если их не станут бросать в первые же дни), ничего от России не отторгнут и т. д. Допускаю и ещё худший исход. Если вся русская нефть будет быстро уничтожена атомными бомбами, то сталинское правительство может пойти на новый Брест: всё отдаст, а в Московии свою власть сохранит. В некоторых кругах Вашингтона такое предложение, наверное, могло бы очень нравиться. Коминтерн при очень слабом советском государстве Америке не страшен, а большевистское правительство в Москве в некоторых отношениях даже удобнее западу, чем не-большевистское. Хорошо будет тогда положение Керенского и его Лиги»¹.

Алданов, при ясном понимании последствий ядерной войны не только для России — для человечества в целом, считал всё же, что «капитуляция демократий была бы ещё гораздо хуже: установление Сталинского строя во всём мире это ещё хуже, чем последствия водородной бомбы»². Он писал это уже не из-за океана,

где было всё-таки относительно безопасно, а из Ниццы, где поселился после возвращения во Францию (наезжая времена от времени в Нью-Йорк).

Вопрос о будущем Франции был для Алданова теперь не только вопросом о судьбе друзей — это была проблема его собственного выживания. По отношению к Франции он оставался «оптимистом» (слово оптимист Алданов взял в кавычки, подчёркивая его относительность); он считал, что, «если войны не будет, то свободный строй в ней сохранится»³. Его относительный «оптимизм» в отношении Франции основывался на следующем: «Две трети населения голосовали против коммунистов. Государственная машина не в их руках. Остатки столь когда-то могущественной французской армии — тоже нет. Полиция при всех бывших до сих пор столкновениях беспрекословно исполняла распоряжения правительства. И даже та часть рядовых французов, которая в 1940 году довольно равнодушно приняла фашистский или вначале полуфашистский строй Виши, свою собственность будет защищать иначе. О других и говорить нечего. Да и из той трети, которая голосовала за коммунистов, далеко не все желают установления коммунистического строя. При таких условиях попытки восстания, если произойдут, то будут подавлены. Разумеется, в случае войны с СССР коммунистическое правительство будет установлено немедленно, а коммунистический строй очень скоро. Надолго ли? Это зависит от разных водородных бомб, — а нам до конца, верно, тогда и не дожить»⁴.

Ранней весной 1951 года Алданов сообщал Маклакову из Нью-Йорка о том, что давно не видел Керенского (с которым дважды завтракал вдвоём) «в столь угнетенном настроении духа». В Лиге все переругались, делать ей было решительно ничего, и Керенский говорил Алданову, что хотел бы уйти от политики и, «если бы средства позволили, переехать в Европу»⁵.

Политическая обстановка в мире в начале 1950-х годов была гораздо «горячее», чем в конце 1940-х: началась Корейская война. Хотя боевые действия против американских и британских войск,

Взрыв атомной бомбы в Нагасаки.

*Окончание. Начало см.: Родина. 2014. № 1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00277а).